

Александр Нотин

САМОЛЮБИЕ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК СТРАСТЕЙ

Из азбуки духовной грамотности

Кто-то из Святых отцов, по-моему Пётр Дамаскин, писал, что видение греха своего это первый признак начинающегося выздоровления души. Но грех, как мы установили, есть внешнее проявление вполне уже зрелой и рвущейся наружу страсти; сама же последняя, подобно змее или крысе, прячется где-то в тёмных уголках души и умело скрывает себя от «хозяина». В том-то и сложность «видения греха своего», что человек по природе своей, во-первых, склонен к самооправданию; а во-вторых, как писали Отцы, «удобопреклонен», предрасположен к греху. «Всяк человек ложь» — напоминает псалмопевец, кратко и ёмко выражая это главное свойство падшей человеческой природы и, вместе с тем, своё изумление пред личностью совершенного Бога и совершенного человека Иисуса Христа, который во всём нам подобен, ... кроме греха.

Страсти — грехи, грехи — страсти.... Отцы по-разному трактовали их взаимодействие и взаимозависимость, в частности, вопрос о том, что от чего берёт начало. Но сейчас для нас эти тонкости, пожалуй, не так уж важны. Важно осознать крепкую связь между этими пограничными проявлениями болезни (безумия) души. Важно понять, что крысы-страсти, которых мы берёмся через видение греха своего и покаяние ловить и истреблять, весьма увертливы и изобретательны; вернее, таковы демоны — суть те же страсти, как их определяли Отцы, которые незримо производят и воспроизводят внутри нас — через наши нервы, помыслы, чувства, намерения, контакты с миром и людьми — змеиный клубок страстей, тем возбуждая и неодолимую тягу к греху. «Как не мерзость душа, — восклицает Святитель Игнатий (Брянчанинов), — в которой непрестанно вращаются буйные и чудовищные

страсти, как бы ядовитые змеи, василиски и скорпионы в глубоком рву?» Настырность и изобретательность демонов — этих невидимых искусителей, каждый из которых отвечает за «свою разновидность» страсти, всегда (ведь живёт он, нечистый, тысячи лет, не спит, не ест, ангельски умён, и при всём этом люто ненавидит человека) превосходит нашу скованную грехом способность к сопротивлению. Бой изначально неравен. Он вообще был бы обречён, не имей человек возможности обращения к помощи Божией и стяжанию благодати Духа Святаго.

Особенно трудны для различения те страсти, что прикрываются видимостью добродетели. «Как, черпая воду из источников, иногда не приметно зачерпываем и жабу вместе с водой, — пишет преподобный Иоанн Синайский, — так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетённые с ними страсти. Например, со страннолюбием сплетается объядение, с любовью — блуд, с рассуждением — коварство, с мудростью — хитрость, с кротостью — тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание, с молчанием сплетается кичливость учительства; с радостью — возношение, с надеждою — ослабление, с любовью — опять осуждение ближнего, с безмолвием — уныние и леность, с

чистотою — чувство огорчения, со смиренномудрием — дерзость».

Но вернёмся к истоку всего — к самолюбию. От этого корня, как считал Максим Исповедник, рождаются все прочие страсти. К сожалению, очень похоже, что главным вектором развития (точнее, деградации) современной цивилизации как раз и становится всемерное возношение идола под названием «я, моё, мне». И теперь понятно, почему. Потому что из, казалось бы, естественного и ничем не сдерживаемого желания угождать себе вырастает целое древо страстей, которые, в свою очередь, совершенно отделяют и отвлекают душу человеческую от Бога, от соединения с Ним и исполнения заповедей Его. О каком внимании и, тем паче, послушании Божьей и вообще любой другой воле может идти речь, если ум, чувства и воля человека всецело поглощены служением себе — любимому и единственному! «Берегись, — предупреждает преподобный Максим, — матери зол, самолюбия, которая есть неразумная любовь к телу»; от неё «рождаются три первые и родовые страстные и неистовые помысла, а именно: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие»; от этих трёх «рождается всё племя страстей».

В прикладном плане, для простоты понимания Отцы характеризуют самолюбие как гипертрофированную любовь к телу. Помнится,

в одном из первых занятий мы говорили, что именно преувеличенное и всепоглощающее внимание к нуждам и запросам тела (всячески, заметим, поощряемое т.н. свободным рынком и культурой постмодерна) совершенно заслоняет от современного духовно-беспризорного человека не то, что знание о собственной душе, но даже и простое признание факта её существования. А отсюда неотвратимо следует папуасское невежество в части соблюдения элементарной гигиены и ухода за «внутренним человеком», дальше — превращение последнего в грязного запущенного бомжа, изнутри терзающего нас на земле и обрекающего на вечную погибель за гробом. Как приговор, как набат всем нам звучат слова апостола Павла, определяющего «дела плоти» — страсти и их плоды следующим образом: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное, Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царство Божия не наследуют» (Гал.5, 19–21).

Но возможно ли вырваться из «намазанных мёдом сетей» самолюбия, и как это сделать? На этот счёт посоветуемся с Отцами.

Как побеждать самолюбие?

Есть два полярных вида самолюбия — страстное и бесстрастное. Рассмотрим оба, но побеждать надо только одно из них — первое, которое святитель Игнатий (Брянчанинов) называет «извращённой любовью к себе»; второе же, наоборот, полезно в себе воспитывать. Но почему первый вид любви святитель считает извращённой? Потому, поясняет он, что страстное самолюбие есть искажённая любовь падшего человека к своей повреждённой и насквозь больной природе. К внутреннему человеку — бомжу (это я уже от себя). Такая любовь сродни «синдрому заложника» — необъяснимой привязанности жертвы к своему палачу и мучителю, явлению, известному в криминалистике.

«Льстивый и лукавый» мир всеми силами и средствами культивирует в нас первый вид самолюбия: с одной стороны, всё внимание человека фокусируется на убожении своего тела и чувств, иногда — интеллекта; с другой — с детства от нас заслоняется или незаметно подменяется евангельская правда о двусоставной природе «любимого чада» Божия. Так и живём-можем, гонимые, как стадо баранов на убой, языческой школой, рекламой и культурой.

Что нам делать? Надо бороться, выбивать клин клином. Разовыми решениями или эпизодиче-

скими усилиями здесь, понятно, не обойтись: слишком уж ввелась в нас накопленная за годы инерция самолюбования, слишком силён поток суетной ветхой жизни, внутри которого мы пребываем от рождения. Тут нужны комплексные меры. И ещё — не обойтись здесь без помощи Господа, без Его силы, единственно способной вырвать нас из мутного потока стихий мира сего, чтобы переправить на сухой берег осознанности и веры.

Первый шаг в борьбе с идолом самолюбия — распознавание и признание его в самом себе. Для этого надо посмотреть на себя со стороны: выражается самолюбие «по отношению к близким или посредством ненависти, или посредством человекоугодия, то есть угождения страстям человеческим, а к предметам мира, которыми оно всегда злоупотребляет, — посредством пристрастия».

Как и во всех прочих разделах «умного духовного делания» внимание наше должно быть всецело обращено внутрь (хотя мир делает всё, чтобы было наоборот).

Начать лучше с «простого» — с выработки уважения к любому человеку, независимо от его возраста, пола, образования, состояния и проч. Сейчас этому не учат в школах. Не учат даже так, как учили в советское время в рамках «коммунистической морали и этики». Но всё же взгляните: перед вами не просто

другой человек. Перед вами живая душа со своими её божественными дарованиями, столь же бесценная (дороже всех богатств мира), сколь и ваша собственная, и, если она внешне выглядит не так, как вам хочется, не беда. Сквозь неё на вас взирает сам Господь. Надо научиться любоваться любым человеком, надо предпочесть видеть не его недостатки, но его преимущества; а он обязательно знает или умеет что-то, чего вам не дано знать или уметь. Слабости и страсти этого человека хорошо бы научиться воспринимать не как вызов своему горячо любимому «я», а сочувственно — как проявление глубокой и хронической болезни родственной души, болезни, свойственной всем нам (и мне, и вам) без исключения. Никому ведь и в голову не придёт огрызаться на выходки умалишенных в психиатрической больнице: а не этим ли ровно мы занимаемся, когда вступает в склоки, распри и конфликты друг с другом?

Очень полезно в борьбе с самолюбием — об этом без устали пишут все Отцы — воспитывать в себе смирение через видение греха своего, видение «бревна в своём глазу». Ох, как это непросто! Но надо, что делать? Здесь важны три момента. Во-первых, чем больше я различаю в себе страстей и недостатков, тем меньше у меня останется «естественного» желания возноситься перед другими

людьми. Такой трезвый человек уже не станет поучать других, как им стать лучше, он поймёт, что негоже упрекать соседа грязью в его сарае (душе), если свой собственный сарай захламлен и запущен не меньше. Да и времени будет жалко тратить на чужое, когда у себя забот по горло. Во-вторых, смирение привлекает благодать Божию, хотя бы и по капельке, а та лучше всякого психотерапевта искореняет и «выжигает огнём неведущим» гнездящееся в душе зло, исцеляет душу. В-третьих, смирение раскрывает глаза «внутреннего человека» на мир, как, образно говоря, тифозный барак, и на церковь как больницу. Воцерковление становится тогда не причудой, не модной блажью, а тем, чем оно является реально, — насущной потребностью больной души в получении помощи и лекарств свыше. «Для уничтожения в нас самолюбия, — пишет святитель Игнатий, — я должен отвергнуть все мои разумения, хотя бы я был очень богат разумениями. . . . Я должен погрузиться в нищету духа и, обнажённый этой нищетой, омовенный плачем, углаж-

денный, смягчённый кротостью, чистотою и милостию, приять разум, который благоволит начертать на мне десница моего Искупителя. Эта десница — Евангелие. А ты, душа, должна отречься своей воли, как бы это ни было тягостно для сердца, хотя бы чувствования и влечения твоего сердца казались тебе и самыми праведными и самыми изящными. Вместо своей воли ты должна исполнять волю Христа Бога и Спасителя нашего, как бы это ни было противным и жестоким для самолюбивого сердца».

О втором виде самолюбия подробнее поговорим позже. А пока отметим: Бог не только не запрещает, но и призывает нас любить себя: «Возлюби ближнего, как самого себя». Однако под словом «себя» в данном случае подразумевается не плотской и страстный человек, а та безмерная самоценность, каковую представляет собой чистая и простая душа, внутренний человек, стремящийся к Богу и несущий в себе Его образ и подобие. Да и любовь тут другая — Божия, ибо сам Бог есть любовь.